

Дмитрий Владимирович СИЧИНАВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)
mitrius@gmail.com

Древнерусские индикативные формы со вспомогательным *быхъ*: к интерпретации и списку примеров

Безупречное владение этимологией славянских форм, одновременный интерес к локальным сюжетам и способность создать широкую общую картину, полемическая острота и критическая убедительность — всё это делает Вадима Борисовича Крысько одним из наиболее эрудированных и проницательных историков русского языка. Для его работ характерен повышенный интерес к истории науки: и в смысле свободного владения нередко забытой в наше время литературой XIX – начала XX века, и в смысле осознанной миссии продолжателя традиций древнерусистики, насильственно прерванных в советские годы. Даже одного подготовленного и откомментированного им двухтомника избранных трудов А. И. Соболевского хватило бы, чтобы обеспечить себе в палеославистике заметное место. Пожалуй, наиболее концентрированно перечисленные мной черты отразились в сравнительно небольшой статье о древне-новгородском диалекте [Крысько 1998] — здесь и общая типологическая характеристика архаизмов и инноваций этого идиома, и акцент как на уникальных, так и на неуникальных свойствах, и указания на старые (но незаслуженно обойденные вниманием) работы, где были впервые выявлены те или иные особенности диалекта, и новые микросюжеты, основанные на прочтениях незамеченных словоформ в «традиционных» рукописных памятниках, и критика популярных в 1980–1990-е годы этногенетических построений (с тех пор *stillschweigend*, как сказал бы юбиляр, устраненных из большинства воспроизводивших их трудов, в том числе работ высочайшего научного уровня).

Одно из самых интересных и впечатляющих открытий Вадима Борисовича — это ни много ни мало неизвестная архаичная форма древнерусской глагольной парадигмы: плюсквамперфект с аористическим вспомогательным глаголом *быхъ*, формально идентичный условному наклонению; две такие формы впервые выявлены Крысько в Софийском прологе, причем они дошли до нас в составе домонгольской рукописи [Крысько 2011: 830-831]. Я рад, что в идентификации этих форм поучаствовала и моя гипотеза, выдвинутая в статье [Сичинава 2004] о происхождении славянского условного наклонения. В этой статье я связал старочешский плюсквамперфект с аористой связкой (*bych*) [Vondrák 1928: 150; Dostál 1967: 195ff]:

- (1) ...jakož mu **by přikázal** Hospodín
'[и фараон не послушал их], как и **говорил** [Вульгата: *praeseperat*] ему Господь'
(Оломоуцкая Библия, начало XV в., Исх. 7: 13).

с существованием индикативной «итеративной» конструкции со связкой **бухъ* в сербском и верхнелужицком языках и предположил, что сочетание «аорист глагола *бути* + *l*-причастие» в праславянском имело такое же (базовое) плюсквамперфектное значение, что и аналогичные конструкции с иными претеритальными формами связки. Что же касается кондиционального значения *бухъ*-форм в большинстве славянских языков, то я выдвинул гипотезу, что оно связано не только с контаминацией этих форм и изначально оптативных *bimь*-конструкций (традиционное объяснение), но и, так сказать, с ингерентным развитием плюсквамперфекта в сторону ирреальной семантики. Ведь это вполне типологически стандартный переход ('предшествование в прошлом' → 'причина или альтернативный сценарий в прошлом' → 'ирреальность'), характерный для языков самых разных ареалов (от английского до персидского). Тем более вероятна такая эволюция значений для одной из нескольких возможных плюсквамперфектных форм, когда темпоральная и иная семантика может быть без затруднения сохранена у иных грамматических синонимов.

Открытие В. Б. Крысько тем более замечательно, что открывает перспективу для поиска новых образцов редчайшей формы плюсквамперфекта в древнерусской письменности. Конечно, такой поиск, — не говоря уже о том, что сами эти формы крайне немногочисленны, — сопряжен с дополнительными сложностями: омонимия с ирреальной формой требует установить наличие именно индикативного значения (и здесь лучше иметь дело — как и в случае библейского примера в старочешском, — с переводным текстом, причем даже в этом случае, конечно, точность перевода не гарантирована), а близкое сходство с целым «кустом» более частотных плюсквамперфектных форм (вспомогательные *бѣхъ*, *бѣхъ*, *быль есмь*) диктует проверку с точки зрения возможной описки или искажения в рукописной традиции.

Вообще говоря, и раньше в литературе шла речь о конструкциях, формально совпадающих с условным наклонением, но в индикативной функции (особенно в языке летописей), например, в [Потебня 1958: 261–262] приведены четыре примера из Ипатьевской летописи, а в [Чернов 1961: 50, 204–205], судя по таблице на с. 50, учтено уже 10 древнерусских примеров. Однако тезиса об их архаичности специально не выдвигалось: действительно, не являются ли эти примеры результатом простого смешения различных прошедших времен вспомогательного глагола, неактуальных для носителя языка (в живой речи, по-видимому, употреблялась только форма со вспомогательным *был*)? Тем более что случаи, когда более «стандартные» вспомогательные глаголы плюсквамперфекта в поздних списках заменяются на *бы*-формы, не редкость. О некоторых таких примерах писали мы с П. В. Петрухиным [Петрухин, Сичинава 2008: 235] и М. Н. Шевелева [2008: 234], вот наиболее яркий, где представлены три варианта:

(2а) и пришедь Мьстиславъ исьсѣче кыаны. иже **баху выськли** Всеслава (ПВЛ [1069]¹, Ипат., л. 64 об.)

¹ Здесь и далее даты условные (дата годовой статьи минус 5508).

- (26) и пришедѣ Мьстиславъ исѣче [кианы] иже **бѣша высѣкли** Всеслава (Лавр., л. 58 об.)
- (2в) и пришедѣ Мьстиславъ, исече иже **быша высѣкли** Всеслава (Московский летописный свод конца XV в. по Уваровскому списку XVI в., л. IX об.; эта же форма читается в Холмогорской, Вологодско-Пермской летописях, Пискаревском летописце)
- ‘И Мстислав, вступив в город, перебил киевлян, которые **освободили** Всеслава из темницы-поруба’

Возможно, некоторые поздние примеры смешения плюсквамперфекта и сослагательного наклонения могут также объясняться упомянутой выше семантической эволюцией первого в сторону модальности. В современном русском языке спорадически встречаются ненормативные сочетания частицы *было* с модальными глаголами (*могло было, следовало было*, синонимичные *могло бы, следовало бы*); такие русские примеры отмечены с XVI в. и еще вполне стандартны в XVIII в. Аналогичные нейтральные употребления согласованного плюсквамперфекта отмечены в современном польском, украинском или белорусском (см. [Сичинава 2013: 223, 279]). Если с некоторым классом глаголов плюсквамперфектное *был-* синонимично *бы*, смешение теоретически могло распространиться и на другие контексты.

Надо заметить, что такие сочетания могут возникать, причем довольно рано, и в результате описок: например, в Поучениях Серапиона XIII в. в составе «Златой цепи» конца XIV в. (РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 11, л. 79) читается: *вѣра оутвержена бы(сѣ) еретици ѿгнали быша и Бѣ всѣми языки позналъ бы(сѣ)* — с очевидностью *l*-формы стоят ошибочно вместо пассивных причастий *ѿгнани, познань* (и именно эти последние и находятся в тексте Серапиона по Измарагду XIV в., РГБ, Румянцевское собрание, № 186).

Разумеется, проверка надежности примеров убедительно выполнена в интересующем нас пассаже у В. Б. Крысько [2011: 830–831]. Исследуя текст Софийского Пролога (рукопись рубежа XII–XIII вв.), он отметил две формы, омонимичные условному наклонению, однако передающие реальные события, причем в контекстах, подходящих для плюсквамперфекта (оба раза в соответствии с аористом в греческом оригинале):

- (3) Аще бо не оубыенъ бы былъ... мнѣло бы са мнозѣмъ, яко привидѣниемъ бы^{сѣ} и не по истинѣ **вдѣльса бы** въ члѣвѣчьскоую плоть.
- ‘Если бы [Иисус остался в Вифлееме и] не был бы убит [по приказу Ирода]... то казалось бы многим, что Он был привидением и в действительности не **облеся** в человеческую плоть’.

В примере (3) (третья клауза) теоретически можно было бы предполагать описку под влиянием первых двух форм и предполагать конъектуру **бѣ*, хотя разночтений в других списках нет. Но индикативную трактовку существенно поддерживает пример (4) из того же памятника, где кондиционала в контексте нет, а семантика предшествования в прошедшем налицо:

- (4) wбаче аще ереси до коньца не **ѡвергльса бы**, нь и въ църквь приде слоужащю великому Василию, и дары прїнесе
 ‘Однако, хотя он [император-арианин Валент] и не до конца **отказался** от ереси, тем не менее и в церковь пришел, когда служил великий Василий, и дары принес’.

Более того, в примере (4) можно усмотреть также семантику не реализованного «до конца» действия в сочетании с частицей *не*, характерную для древнерусского (и не только) плюсквамперфекта (ср. контексты с *еще бо не* [Goeringer 1995: 21, Петрухин 2004: 323–324]).

Как отмечает В. Б. Крысько, эти формы из Софийского пролога «являют собой первые, древнейшие примеры данной архаичной формы плюсквамперфекта в славянской письменности». Действительно, и эти, и некоторые другие (о них ниже) примеры форм с индикативным вспомогательным глаголом не могут объясняться как ошибки переписчика (или, по крайней мере, такая версия гораздо менее вероятна). В отличие от многих известных по рукописям форм с контаминациями или гиперкоррекциями в глагольном словоизменении, речь идет о текстах, сочиненных или переведенных очень рано. Кроме того, в ряде случаев писцы, наоборот, не вносят их в качестве искажения, а проявляют определенную тенденцию к устранению этих конструкций из позднейших списков. А это указывает на угасание индикативной функции у этих плюсквамперфектных форм в речи писца (или, по крайней мере, в его пассивном восприятии книжной нормы).

Таковы, в частности, два примера в Ипатьевском списке Киевской летописи, цитируемые еще Потемней и ставшие примером полемики между мной и П. В. Петрухиным, с одной стороны, и М. Н. Шевелевой с другой [Петрухин, Сичинава 2008: 234–235; Шевелева 2008: 233]. Затем о них же писала М. В. Счадудова (Ермолова) [Счадудова 2016: 286–287]. В обоих случаях в более поздних Хлебниковском и Погодинском списках (отражающих несколько иную ветвь той же рукописной традиции) на месте индикативного *бы* стоит *быль*, таким образом, интересующей нас конструкции отвечает характерная для живой древнерусской речи «сверхсложная» [Петрухин, Сичинава 2006] форма плюсквамперфекта (о берестяных грамотах специально см. [Сичинава 2020]).

- (5) И се слышавъ Всеволодъ, не поусти снѧ своего Стѡслава, ни моужии Новгородскыхъ, иже то **бы привель** к собѣ (КЛ [1140], Ипат., л. 114)
 ‘Услышав это, Всеволод не стал посылать ни своего сына Святослава, ни новгородских мужей, которых **привел** к себе’
- (6) Изаславъ же не хоташе ис Киева поити. зане **оулюбиль бы** Киевъ ему (КЛ [1155], Ипат., л. 172)
 ‘А Изяслав не хотел уходить из Киева, потому что Киев ему **полюбился**’

Контроверза была связана с вопросом о том, исконно ли чтение со сверхсложной формой (как полагала М. Н. Шевелева, считая исходным ее значением результативное) или с книжным плюсквамперфектом, который мог быть позже и заменен на форму кондиционала (подобно тому, что произошло, на-

пример, в Московском летописном своде или анализируемых Шевелевой списках Никоновской летописи). Последнюю точку зрения отстаивали мы с соавтором, считая, что в обоих случаях гипотеза о вспомогательном *быль* в первоначальном тексте противоречила бы тому, что известно о семантике этой формы. Сверхсложная форма используется (в рамках нашей концепции) прежде всего для указания на аннулированный результат или на иное нарушение сценария по умолчанию. *Быль привель к собѣ* означало бы, что Всеволод новгородских мужей, наоборот, отослал от себя, в то время как он отказался от планов посылать их в Новгород, и перед нами сохранение результата в прошедшем². Точно так же *оулюбиль быль Киевь ему* (глагол испорчен, исконное чтение *оулюбѣль*, в перфекте без связки, сохранилось в Лавр.; в Московском летописном своде конструкция исправлена на переходную со стандартным плюсквамперфектом: *Он же не хотяше ити с Киева, улюбил бо и бяшетъ*) значило бы, что Изяслав разлюбил свою столицу.

М. В. Скачедубова усматривает здесь форму плюсквамперфекта со связкой в аористе, не апеллируя к семантике, а приводя три других аргумента: во-первых, сверхсложная форма нехарактерна для повествования (обычно в летописях она употребляется в диалоге в прямой речи), во-вторых, ошибка не мотивирована контекстом, в-третьих, такая архаичная форма выявлена в Софийском прологе. Если первые два аргумента сами по себе не являются решающими (из обоих этих принципов есть исключения), то установленное В. Б. Крысько существование архаичной плюсквамперфектной формы со вспомогательным глаголом в аористе — это достаточный довод в пользу того, что в рамках нашей с П. В. Петрухиным версии видеть в тексте Ипат. результат правки и предлагать эмendaцию типа **бѣ привель* нет необходимости: *бы привель*, *бы оулюбѣль* в результативном значении могло стоять и в исходном тексте, а перфект без связки с той же семантикой в Лавр. может быть также древним вариантом. В индикативном вспомогательном *бы* теперь совершенно не обязательно, как предполагает М. Н. Шевелева [2008: 233–234], усматривать «грамматическое смещение» и «грамматически ошибочное чтение».

Кроме того, в Ипатьевской летописи есть и другие такие примеры, в том числе и те, где разночтений в Хлебниковском и Погодинском списках нет (впервые эти примеры в одном ряду анализирует в указанной работе М. В. Скачедубова):

- (7) *ї прокопа(х̄) велми. і влѣзохъ и видихо(м̄) мощѣ е(г̄) лежашѣ. но съставѣ не распалися быша. ї власи главнии притаскли блху* (ПВЛ [1091], Ипат., л. 78)
 ‘и я сильно раскопал, и забрался внутрь, и мы увидели его мощи, лежавшие там, а суставы не **распались**, и волосы на голове **присохли**’

Здесь, как и отмечает исследовательница, обе однородные формы плюсквамперфекта выражают одно и то же (результативное) значение, никаких

² Теоретически тут, впрочем, можно видеть нарушение сценария (ср. [Сичинава 2020]): Всеволод Ольгович отказался от планов посылать в Новгород «новгородских мужей», которых принимал у себя именно в рамках сорвавшегося процесса мирной передачи власти от неугодного новгородцам брата к сыну.

форм условного наклонения в ближайшем контексте нет, как и оснований для замены наклонения. Добавим следующий важный аргумент: хотя в ПВЛ по Лавр. здесь «стандартная» плюсквамперфектная форма — *распалиса бѣша*, но в Радз. и Акад. опять-таки *россыпалиса бѣша*. В поздних сводах отразились попытки «стандартизировать» вспомогательный глагол: в Московском летописном своде контаминированная форма с окончанием имперфекта *распалитса* (sic) *бѣху*, в Никоновской летописи — *распалиса бѣша* (как в Лавр.). Есть все основания считать вариант с *бѣша* архаизмом, стоявшим в исходном тексте ПВЛ, несмотря на то, что в древнейшем сохранившемся списке стоит *lectio facilior* и все критические издания ПВЛ (А. Ф. Бычкова, А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева, Д. Островского) дают в основном тексте *бѣша*. Случаи, когда Радз. и Акад., в отличие от Лавр., сохраняют архаичные чтения в глаголе, хорошо известны; ср. примеры с несогласованными причастиями в [Зализняк 2008: 317].

Отметим, что в этом примере плюсквамперфект со вспомогательной *бы*-формой (в отличие от стоящего в одном ряду с ним «стандартного») выступает с отрицанием — как и в обоих выявленных В. Б. Крысько примерах из Софийского Пролога; случайно ли это — предмет для дальнейших исследований. Еще один пример без разночтений:

- (8) В лѣ(тѣ) 6715. Оубьень бы(сѣ) ц(сѣ)рь великыи Филипъ. Римьскыи...но мы на преднее возвратимса. якоже преже **почали быхомъ** (ГЛ [1207], Ипат., л. 247)
 ‘В 6715 году был убит великий император Римский Филипп³... но мы вернемся к прежнему, о чем **начали** говорить раньше’

Отметим, что перед нами летописное клише, в составе которого особенно долго, по данным В. И. Чернова, удерживаются книжные (не с *быль*) конструкции плюсквамперфекта в 1-м или 2-м лице (по-видимому, именно потому, что это речь летописца, где книжный стиль соблюдается строже, а не прямая речь персонажей). По Чернову, из трех примеров книжного плюсквамперфекта в 1-м или 2-м лице, учтенных им в XIII в., в двух выступает именно эта формула. Один из них — интересующий нас, другой — аналогичный в Суздальской летописи годом раньше, и там *почали бахомъ*. Третий пример, вне этой формулы, также «появился под влиянием записей более ранних» [Чернов 1961: 51]. Уместно и здесь видеть архаизм, а не позднюю замену.

- (9) сгорѣ ту Аранъ и умре пред отцемъ. А преже того не тако бысть: не **бы** [Троицкий список: бѣ] **умираль** сынъ пред отцемъ, но отецъ пред сыномъ умираше (НПЛ мл. [986], Комисс. л. 52; [Скачедубова 2019: 219])
 ‘Тут Аран сгорел и умер раньше отца. А раньше было не так: не сын **умирал** прежде отца, а отец прежде сына’

М. В. Скачедубова отмечает, что текст НПЛ младшего извода не относится к особенно архаичным по языку, поэтому здесь нельзя исключать ошибку. Добавим, что в Лавр. (а также в Новгородской Карамзинской летописи, затем в

³ Филипп Швабский, король Германии, убит 21 июня 1208 г. в Бамберге.

Степенной книге и др.) здесь *бѣ*, а в Ипат. перфект без связки (в таких сводах XVI в., как Никоновская или Новгородская пятая летопись, первый глагол ‘умирать’ по образцу второго переведен в имперфект)⁴. Обратим, однако, внимание, что семантика этого примера соответствует значению итеративной ситуации в неактуальном временном интервале, которое индикативная форма с **bychъ* в качестве реликта имеет в сербском и верхнелужицком. Было бы неосторожно делать далеко идущие выводы на основании единичного и сравнительно позднего примера, но отметим на всякий случай это обстоятельство (а также очередной пример с отрицанием).

(10) Андрѣи же то слышавъ ѿ Михна. и **бы(ѣ)** вбразъ лица его **попуснѣль**. и възостриса на рать (КЛ [1174], Ипат., л. 203 об.)

‘Когда Андрей услышал это от Михна, лицо его **помрачнело**, и он стал готовиться к войне’

Согласно М. В. Скачедубовой, данную форму нет оснований считать плюсквамперфектом, «в таком случае мы имеем дело со связкой не только в форме аориста, но еще и с аугментом, что тем более нетипично для плюсквамперфекта». Скачедубова полагает, что «плюсквамперфектным значением сочетание *бысть* + -л-причастие в данном примере не обладает: перед нами последовательность событий.... Скорее всего -л-форма выступает здесь в функции “обычного” причастия» [Скачедубова 2016: 287]. Мне такое решение (при котором *бысть* значит просто «стало») кажется вполне возможным, но аргумент, согласно которому в аналитической форме не может быть вспомогательного глагола «с аугментом» (т. е. *бысть*), не носит решающего характера: в Ипат. (без разночтений в других списках той же традиции) есть еще два таких примера, не упоминаемые исследовательницей⁵. Вот форма, которую цитирует А. А. Потебня [1958: 261]:

(11) Володимеръ же. вдаривъ вл(д)коу ѿпоусти и. зане **бы(с)** не **бываль** оу него нико(л) же (ВЛ [1288], Ипат., л. 302)

‘Владимир же отпустил владыку, одарив его, потому что тот никогда (раньше) у него не **бывал**’

Разночтений нет и здесь; снова отметим контекст с отрицанием (тип значения — экспериенциальность, отмененная дальнейшим опытом; теперь-то епископ у князя побывал). Очень интересен с точки зрения функции плюсквамперфекта («сдвиг начальной точки» [Сичинава 2008] в начале нового эпизода) и еще один раз пример из ПВЛ (вне традиции Ипат. не получающий поддержки, так что это чтение имеет больше шансов оказаться вторичным):

⁴ М. В. Скачедубова там же приводит и другой (похожий по набору вариантов в рукописной традиции) пример из НПЛ мл. [1055], Комисс. л. 84: *В се же лѣто приходи Болушь с Половци, и створи Всеволодъ миръ с ними; въз(в)ратишася Половци въспять, откуда быша [А. бѣша] пришли*. Добавим, что в Лавр. здесь перфект без связки, в Радз. и Акад. явно неверное, с нарушением согласования *бѣ пришли*, в традиции Ипат. фраза сформулирована иначе.

⁵ В. И. Чернов [1961: 50] учитывает в своей таблице три формы плюсквамперфекта со вспомогательным *бысть*. По-видимому, это именно примеры (10–12).

- (12) Сице **бы(с)** [Лавр., НПЛ Ком., Новг. Карамз. бѣ] вольхвъ **всталъ** при Глѣбѣ в Новѣгородѣ (ПВЛ [1071], Ипат., л. 66 об.)
 ‘Такой волхв **объявился** и при Глебе в Новгороде’

Подобная же конструкция (со вспомогательным *бысть*, но в значении условного наклонения) обнаруживается, наряду с интересующей нас индикативной формой со вспомогательным *бы*, в переводном памятнике, переписанном на Руси.

Р. Н. Кривко сообщил нам интересные примеры из «Слов против ариан» Константина Болгарского (русская рукопись конца XIV в.), где налицо взаимовлияние индикативной и ирреальной парадигм глагола *быти* как во вспомогательной, так и в полнозначной функции. В частности, *бысть* (а не только *бы*) выступает в качестве вспомогательного глагола условного наклонения. В примере (13) мы имеем дело с ирреальным контекстом (синтаксис перевода не вполне соответствует греческому подлиннику), причем в одном ряду выступает ирреальная южнославянская форма с *би* и форма со вспомогательным аористом *бысть*.

- (13) Аште ариани о се^м растрѣзати сами сѧ . то оуже не **би** ни са^м поклонѣнїе **прималъ**. ни се **бысть** глаголаю w не^м **было**. аште бѣшиж **быль бы** отъ здании (κάν οί Αρειανοί ἐν τούτῳ διαῤῥηγνύωσιν ἑαυτούς. Οὐκ ἄν δὲ οὐδὲ αὐτοῦς προσεκυνήθη, οὐδὲ ταῦτ’ ἐλέγετο περὶ αὐτοῦ, εἰ ὅλωσ τῶν κτισμάτων ἦν) ContrAr II, 209
 ‘Если ариане в этом между собой расходятся, то ни Он **бы** поклонение не **принимал**, ни это о нем не **было бы** сказано, если **бы** Он полностью **был** творением’

А в примере (14) перед нами в одном предложении ирреальное *бы...была*, интересующее нас индикативное *бы...было* в соответствии с имперфектом подлинника и даже восходящее к опплативу *би* в индикативной функции:

- (14) аште бо **бы** слава боу **была**. не сътворити бышьнаа. ничимъ же мьне **бы** словоу (вместо: слово — Λόγος) оу ба **было**, и въ немъ **би** отьць (ἦν οὐδὲν ἦττον ὁ Λόγος πρὸς τὸν Θεὸν, καὶ ἐν αὐτῷ ἦν ὁ Πατήρ) ContrAr II, 221
 ‘если даже и **была бы** слава для Бога не сотворить сотворенное, но ничем не **было** меньше Слово, Которое к Богу, и в Нем **был** Отец’

В заключение упомянем еще один контекст, в котором индикативная форма с *быхъ* может быть реконструирована со значительной вероятностью. В Житии Андрея Юродивого есть неправильная форма из двух аористов, представляющая собой, с точки зрения А. В. Сахаровой [2015: 199], результат гиперкорректного пересчета сверхсложной формы **быль забыль* в книжную⁶. Как отмечает Сахарова, и по семантике (антирезультативное употребление — ‘так что уже было забыл’), и по употреблению первого лица этот контекст подходит к сверхсложной форме.

⁶ В первом лице связка обычно не опускалась, но настаивать на реконструкции **есмь быль забыль* не приходится, потому что как раз в ЖАЮ в надежной сверхсложной форме 1 лица презентной связки нет: *абиε имже образомъ быль виель* [ἀνῆλθον, аорист]. *тѣм же и спидохъ*.

(15) Древа же сушаго тамо лѣпота исполнилася бѣаше вона дивны, якоже оуже **быхъ забы(х)** [ἐπιλαθέσθαι, аористный инфинитив] и ч(с)таа она и честьнаа мѣста, наже прѣже походить.

‘Красота дерева, бывшего там, исполнилась чудного благоухания, так что я уже **забыл было** непорочные и святые места, где прежде странствовал’

В ошибочной замене *-l*-причастия на аорист при переписке сомневаться не приходится. Ср. хорошо известные гиперкорректные конструкции книжного плюсквамперфекта с аористом вместо *-l*-формы, прежде всего в самом ЖАЮ: *Онъ же есть иже ма бѣ оудари цвѣтною оною ветвию*; или же *бѣ бо възложи на нь гривну злату* в ПВЛ [1015], Ипат. л. 50 об., Лавр. *възложилъ*. Не говорим уже об изначально фантастических формах, «книжняющих» живую речь, которые отмечены en masse в поздних памятниках вместо условного наклонения: *Уже бо ми нанесе скорбь, матери своей, толико лгть приять иноческий чинъ и не повѣдаха, да не злѣ бы погибох*. [Житие Кирилла Новоезерского (1580–1590)].

Однако нуждается ли в поправке и форма вспомогательного глагола? А. В. Сахарова замечает, что «связка переделана в аорист, видимо, ради гиперкоррекции, чтобы сделать форму более книжной» [Сахарова 2015: 199]. Как представляется, можно предложить более экономную эмендацию — только в одной букве. Не исключено, что стандартная описка — точный повтор отрезка *быхъ* — произошла именно в редкой плюсквамперфектной форме **быхъ забыль* (это тем более вероятно, если переписчик не был знаком с такой индикативной конструкцией)⁷.

Итак, круг древнерусских употреблений конструкции «*быхъ* + *l*-причастие» с индикативным плюсквамперфектным значением может быть расширен. Как представляется, ряд примеров подтверждает архаичность данной конструкции, так что, скорее всего, со временем удастся идентифицировать и новые контексты, ранее считавшиеся формами кондиционала, гиперкорректными или описками.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк А. А. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста. 3-е изд. М.: Языки славянских культур, 2008. 480 с.
- Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74–93.
- Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Азбуковник, 2011. С. 798–837.
- Петрухин П. В. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28. № 1. P. 73–107.
- Петрухин П. В., Сичинава Д. В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214.

⁷ Разумеется, это могла быть и более стандартная форма книжного плюсквамперфекта (но тогда надо предполагать замену двух букв), ср. близкий контекст в другом месте ЖАЮ: *яко сластью вона тоа забыль бѣхъ болгъзни своа*.

- Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 224–258.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
- Сахарова А. В.* Формы прошедшего времени в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого и их соответствия в греческом оригинале // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 191–214.
- Сичинава Д. В.* К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 292–312.
- Сичинава Д. В.* «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. М.: Гнозис, 2008. С. 241–274.
- Сичинава Д. В.* Перечитывая плюсквамперфект: новый обзор корпуса примеров в берестяных грамотах. Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (39). С. 136–171.
- Скачедубова М. В.* Плюсквамперфект в Ипатьевской летописи // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. С. 280–289.
- Скачедубова М. В.* Функционирование л-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей). Дис. ... канд. фил. наук. М.: ИРЯ РАН, 2019. 267, 103 с.
- Чернов В. И.* Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянскими языками. Дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1961. 275 с.
- Шевелева М. Н.* Еще раз об истории древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 217–245
- Dostál A.* Historická mluvnická česká. Díl 2., Tvarosloví. 2. část., Časování. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1967. 225 s.
- Goeringer K.* The Motivation of Pluperfect Auxiliary Tense in the Primary Chronicle // Russian Linguistics. Vol. 19 (3). 1995. P. 319–332.
- Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik. Bd. 2, Formenlehre und Syntax. 2. Aufl. neubearb. v. O. Grünenthal. Göttingen: Vandenhoeck, Ruprecht, 1928. 572 S.